

чайшаго разстоянія“ между Нѣмецкимъ моремъ и Вогезами. Раздѣлъ Швейцаріи между Германією, Францією и Италією производится также посредствомъ прямыхъ линій. „Ради примизны“ пограничной черты, Россія уступаетъ нѣмцамъ часть Польши съ городомъ Калишемъ (!), а нѣмцы уступятъ намъ прусскую территорію съ двумя милліонами жителей, за что будутъ щедро вознаграждены въ другихъ мѣстахъ. Нужно, по мнѣнію автора, примѣняться „къ современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, когда нѣмецъ сильно задралъ носъ кверху и ужасно какъ важничаетъ“. Прежде мы были въ дружбѣ съ нѣмцами; „только послѣ франко-русской войны нѣмцы вдругъ ошалѣли и на берлинскомъ конгрессѣ поступили съ русскими не по пріятельски. Натурально, что русскіе обидѣлись на нѣмцевъ. Но вскорѣ тѣ и другіе поняли, что ссориться имъ не пристало“ (стр. 117). „Вотъ и разговаривай тутъ съ нѣмцемъ, когда ему и море по колѣно“, — замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. Но онъ готовъ на уступки, „въ угоду нѣмцамъ“; только Данцига онъ не можетъ оставить за ними, ибо въ противномъ случаѣ „Висла текла бы по бородѣ Данцига и его полосы, да въ ротъ бы ему мало попадало, по причинѣ политической границы“ (стр. 121). Ради экономическихъ выгодъ „кратчайшаго разстоянія“, приходится будто бы отдать нѣмцамъ чешское королевство, отдѣлить отъ Австріи къ Германіи $3\frac{1}{2}$ милліона славянъ и отъ Германіи къ Австріи $5\frac{1}{2}$ милліоновъ нѣмцевъ (стр. 148), послѣ чего получится „самая правильная и удобная или, иначе сказать, нормальная, естественная“ граница. Ради этого авторъ предлагаетъ даже устроить „взаимное переселеніе племенъ изъ Австріи въ Германію и обратно“, что обошлось бы обоимъ правительствамъ „не болѣе 300—400 милліоновъ рублей“ (!?); такое переселеніе „весьма упростило бы вопросъ объ австро-германской границѣ, въ которомъ главную дисгармонію составляетъ этнографическая сторона его, и облегчило бы его разрѣшеніе“ (стр. 158—9), въ смыслѣ прямолинейности границы.

Подобныхъ курьезовъ мы давно уже не встрѣчали въ литературѣ. Авторъ не задумался даже надъ вопросомъ, захотятъ ли черногорцы, сербы и болгары округлить собою владѣнія Австріи, пожертвуютъ ли собою швейцарцы для исправленія границъ сосѣднихъ державъ, подчинятся ли добровольно своей участи голландцы и бельгійцы. Особенно оригинально разсуждаетъ авторъ относительно Россіи. Когда славянство будетъ поглощено Австро-Венгрією и составитъ половину ея населенія (стр. 183), то „Россія спокойно вручитъ Австріи Балканскій полуостровъ и Константинополь, какъ державѣ родственной и единовѣрной (?), а Австрія найдетъ въ Россіи единственную союзницу и защитницу въ періодъ своего политическаго формировація.